

УДК 81.42

DOI: 10.17223/19986645/62/7

Е.В. Иванцова

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПОДСИСТЕМ СОВРЕМЕННОГО
РУССКОГО ЯЗЫКА В ИДИОЛЕКТНОМ ОТРАЖЕНИИ:
РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ ЖИТЕЛЯ ПОСЕЛКА
ГОРОДСКОГО ТИПА¹**

Представлен первый опыт речевого портрета жителя поселка городского типа. Рассматриваются черты основных разновидностей речевой культуры – диалектной, просторечной, жаргонной и книжной, отраженные на уровне фонетических, грамматических, лексических и текстовых особенностей идиолекта. Выявлены доминантные особенности речи исследуемой языковой личности как следствие факторов ее формирования, соотносимых с активными процессами взаимодействия подсистем русского национального языка.

Ключевые слова: речевой портрет, идиолект, житель поселка городского типа, трансформации народно-речевой культуры, взаимодействие подсистем современного русского языка.

Введение

Всегда волновавший языковедов вопрос о формах существования национального языка, их константных характеристиках и видоизменениях в связи с влиянием экстралингвистических и собственно лингвистических факторов приобретает в наши дни особую актуальность.

Выделенные Н.И. Толстым для всех славянских этносов разновидности речевой культуры, включающие культуру образованного слоя носителей литературного языка, крестьянскую культуру носителей говоров, промежуточную между этими стратами культуру носителей просторечия и традиционно-профессиональную культуру носителей арго [1], на рубеже XX–XXI вв. претерпевают существенные изменения. Исторически сложившиеся системы национальных языков, в которых кодифицированная форма противопоставлена нелитературным идиомам, трансформируются в связи с влиянием многих экстра- и интралингвистических причин.

Эти преобразования исследуются прежде всего в работах по русистике, где в фокусе анализа находится литературная речь ([2–4] и др.). Новации в сфере нелитературных языковых идиомов изучены значительно меньше. Выявлению происходящих в них процессов и детальному описанию типов речевой культуры в наши дни может способствовать развивающаяся в сфере лингвоперсонологии практика создания речевых портретов.

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-02043).

Речевые портреты представителей «низовых» форм речевой культуры создаются достаточно активно. Среди них преобладают эскизные очерки идиолектов деревенских жителей – как с высокой степенью сохранности традиционных говоров ([5–8] и др.), так и с чертами их частичного нивелирования ([9–11] и др.).

Однако меняющаяся языковая ситуация создает условия для появления новых форм бытования народно-речевой культуры. Появились речевые портреты бывших сельских жителей, переселившихся в город, но сохранивших некоторые диалектные особенности речи [12, 13]. Очевидно, можно говорить и о других типах носителей русского языка, в дискурсе которых отражаются процессы видоизменения языковой системы. Далеко не все из них изучены даже в первом приближении. Не рассматривалась в лингвоперсонологическом аспекте, в частности, речь жителей поселков городского типа.

Этот вид населенных пунктов появился в России в период образования СССР, сохраняется и в наши дни. Поселки городского типа отличаются от сел занятостью большинства населения вне сельского хозяйства, наличием промышленных предприятий и транспортных путей; численность жителей в них обычно больше, чем в деревнях, но меньше, чем в городах (в среднем от 3000 до 20 000 человек). Многие из таких поселений возникли в результате преобразования больших сел или получения ими статуса райцентра, а иногда впоследствии – статуса города [14].

Данная статья представляет собой первый опыт речевого портрета жителя поселка городского типа. Анализировалась речь мужчины 1956 г. рождения. Известно, что родителями его были сибиряки, малограмотные. Отец информанта, 1908 г.р., уроженец Красноярского края, получил 3 класса школьного образования, после Великой Отечественной войны переехал в Кемеровскую область, работал плотником и электриком. Мать, 1924 г.р., родилась в деревне Вятка Кемеровской области (ныне исчезнувшей), училась в школе 2 года; работала на шахте, после – сторожем, занималась домашним хозяйством. Сведений об их предках не сохранилось. С трех лет и по сей день исследуемая языковая личность (далее обозначается также инициалами Н.И.) проживает в поселке Тяжинский Кемеровской области. Населенный пункт Тяжин на территории бассейна р. Оби основан в 1894 г. в связи со строительством Транссибирской магистрали. В 1958 г. с. Тяжин стал поселком городского типа. До 2002 г. численность населения в нем постоянно увеличивалась (1897 г. – 1 200 человек, 1911 – 1 659, 1959 – 7 768, 1989 – 12 405, 2002 – 14 065), затем начала постепенно сокращаться; по данным переписи 2017 г., сейчас она составляет 10 121 человек [15].

Н.И. окончил 10 классов средней школы, затем профтехучилище по специальности «тракторист-машинист», после службы в армии некоторое время работал на станционном оборудовании и в радиоузле, около 15 лет занимает должность художника-оформителя местной библиотеки. Живет с младшей дочерью-школьницей, общается преимущественно с проживаю-

щими в поселке родственниками и коллегами. Со старшей дочерью, студенткой университета, бывающей у отца в основном на каникулах, поддерживает постоянную SMS-переписку, посылая ей сообщения или вступая в диалог по нескольку раз в день.

Хотя информант получил только среднее образование, ему свойственно постоянное стремление к самообразованию и саморазвитию. По свидетельству родственников, в молодости он много читал, особенно школьную классику. С конца 90-х гг. увлекся чтением Библии и изучением английского языка, также самостоятельно осваивает компьютер и компьютерные программы. Круг его чтения составляют познавательная литература (энциклопедии, школьные учебники по разным предметам, книги о лечебных травах), Священное Писание и сказки на английском языке. Газет не читает, по телевидению ежедневно смотрит программы новостей, иногда религиозные или документальные передачи.

Основным материалом исследования послужили 15 часов записей устной спонтанной речи Н.И., которые проводились с его согласия старшей дочерью. Привлекались также фрагменты их SMS-переписки – 262 сообщения, полученных ею от отца в течение трех лет. Опора на два обозначенных источника отражает главные формы речевой деятельности данного индивида: в его дискурсивной практике преобладает устная речь, а письменная практически сведена к телефонной переписке с дочерью.

При сборе материала использовался метод включения в языковое существование говорящего (предполагающий неформальное общение собирателя с информантом в условиях психологической контактности и долговременно-го наблюдения), при его анализе – метод речевого портретирования.

В идиолекте исследуемой личности имеют место черты всех основных типов речевой культуры, выделенных Н.И. Толстым [1]. Рассмотрим проявления каждой из них.

Черты диалектного типа речевой культуры

В речи информанта отмечен ряд особенностей регионального характера.

В сфере фонетики они отражены достаточно слабо. Обращает на себя внимание употребление фрикативного [γ] наряду с более редким взрывным [г]: *Друу у меня был; уром такой был; Я её терпеть не могу* – но: *Ну это разве много?; Как ты догадалась?; Я тебе говорю правду*¹. Южнорусская черта, видимо, была унаследована личностью из речи родителей. Вариантность реализации заднеязычного можно считать следствием освоения литературной нормы (совпадающей в данном случае с более распространенным среди диалектоносителей на территории Среднего Приобья произношением [г]). Не представлены в устной речи Н.И. и характерные для ста-

¹ Нелитературные черты произношения переданы в орфографической записи. Квадратными скобками маркируются пояснения диалектолога. Фрагменты дискурса отделены точкой с запятой. Контексты SMS-сообщений приводятся со знаком *.

рожильческих говоров этого региона твердые долгие шипящие, а также такая фонетико-грамматическая особенность, как стяженные формы прилагательных и глаголов. Их передача обнаружена лишь в отдельных SMS-сообщениях только при написании наречия *ещё* (**Купи с моих [денег], я те ишо вышло; *Не видел ишо*) и в единственном контексте с местоимением *всякий* (**Меньше заморачивайся на всяку мелочь*). Этот факт позволяет сделать предположение о сознательной имитации на письме элементов диалектной фонетики в игровой функции.

Собственно диалектных грамматических особенностей в речи Н.И. не выявлено; имеют место некоторые диалектно-просторечные черты словоизменения, о которых будет сказано ниже.

В идиолекте языковой личности зафиксированы областные лексические единицы¹.

Группа диалектных лексем невелика по объему, но включает слова из разных семантических групп: предметной лексики, обозначений чувственного восприятия, физических и психических состояний, номинаций человека, речевого поведения и др.: *ста'йка* 'помещение для скота, птицы' [МАС: обл.; СРГС] (*А тот [пёс] сёдня жрал и корыто своё упёр куда-то. Наверное, опять в эту, в ста'йку*), *обутка* 'обувь' (БАС: обл.; СРНГ) (*Обутка у тебя есть?*), *хру'мкать* 'есть, жевать с хрустом' [БАС: обл.; СЦРК] (*Картошку сырую возьмёт [дочь], я чищу её, она возьмет – хрум, хрум, хрум, она её постоянно хрумкает*); *припере'ть* 'родить' [СРНГ; СРГС] (**Муська [кошка] припёрла кашатям*), *гы'ркнуться* 'поругаться' [ср. СРНГ: гы'ркаться 'ругаться'] (**Гыркнулся с Малявкой [прозвище младшей дочери]*), *разбараба'нить* 'о появлении сильной вздутости, опухоли' [СРНГ; СРГС] (**Правда может разбарабанить [болит зуб]*), *детёночек* 'ласк. ребёнок' [ср. СРГС, СЦРК: детёнок, дитёнок 'ребёнок'] (*Есть же вопрос, простой задаётся вопрос – почему я рождаюсь махоньким детёночком и начинаю адаптироваться в этом мире*).

Отметим, что при этом в лексиконе жителя поселка городского типа не зафиксированы характерные для традиционных говоров диалектные обозначения трудовой деятельности сельчан (обработка почвы, заготовка сена, уход за домашним скотом и птицей), немногочисленны номинации из сферы традиционной материальной и духовной культуры.

В словарном запасе информанта значительна доля областных единиц, которые отличаются от общерусских отдельными фонемами корневой

¹ К ним относились единицы идиолексикона Н.И., которые имеют помету «обл.» в толковых словарях русского языка [МАС, БАС] или встречаются только в областных лексикографических источниках. Использовались данные сводных словарей русских народных говоров [Даль, СРНГ], сводного словаря русских говоров Сибири [СРГС] и толковых словарей говоров Среднего Приобья, Кузбасса, Красноярского края: «Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби» и 4-томное дополнение к нему (Томск, 1964–1986), «Словарь русских говоров Кузбасса» (Новосибирск, 1976), «Словарь русских говоров центральных районов Красноярского края» (Красноярск, 2003–2010).

морфемы (*час* ‘сейчас’, *дак* ‘так’: *И уволить она час их не имеет права; [Дочь: А чё делать будешь?] Дак я на пенсию за два года уйду и всё*), реже – аффиксами (*лезти* ‘лезть’, *тепе'реча* ‘теперь’: *Он сказал – туда лучше тебе не лез'ти; *Тепереча ходит напузыринная [обиженная дочь]*).

Во многих случаях (и в устной речи, и в письменных сообщениях по телефону) наблюдается параллельное употребление кодифицированных и некодифицированных вариантов лексем: *Вот по телевизору показывали как-то; Они [люди] вот воткнулись, как ты говоришь, в телеви'зер, или читают только книжки; Флягу помыть надо; *Уголёк кидать надоть; Ну как грязно, если я пылесосил четыре дня назад?; Я Малявку [младшую дочь], е'слив Господь даст, отправлю в этот, как его... пусть танцуют. В гимназию.*

Проверка выявленного списка лексем по словарям выявила: а) слова широкого областного распространения; б) единицы с более узкой локализацией; в) лексемы, отсутствующие в диалектных лексикографических источниках.

К первой группе относятся, в частности, глаголы *идти'ть* и *ле'зти*, существительные *стайка* ‘помещение для скота’ и *обу'тка* ‘обувь’, наречие *за'втра* ‘завтра’, союз и частица *дак*, зафиксированные в СРНГ с обширным ареалом употребления.

Особый интерес представляют слова второй и третьей групп.

Словарный запас информанта так же, как и фрикативное [γ], подтверждает наличие южнорусского начала. У Н.И. отмечены лексемы *хата* [МАС: ‘крестьянский дом в украинской, белорусской и южнорусской деревне’; Даль: южн. зап.], *пылю'ка* ‘сильная пыль’ [СРНГ: Кубан., Краснодар.]: **Сп[ать] хочу: возвернусь в хату и б[ухнусь] на диван; Оно везде – пылюка. Потому что печка*; К этой же группе предположительно можно отнести и некоторые единицы, отсутствующие в диалектных словарях. В их числе – лексема *чупа'ть* ‘трогать’: *[младшая дочь взяла кошку на руки] О, ещё одна, чё вы её чупа'ете?* Близкие по форме к *чупать* слова *чепать*, *чипать* у Даля даны с локалами пск., южн., зап. Глагол *блукат'ить* (**Опять блукатить будешь до зори [в выходной]*) с локальной пометой «Курск.» в СРНГ имеет несколько иной оттенок значения ‘плутать’; соответствует употреблению в речи индивида отмеченное там же слово *блуда'ть* ‘ходить, бродить, переходить с места на место без особого дела; шляться, шататься’. Курск., Ростов., Орл., Новг., Ворон. [СРНГ. Вып. 3. С. 31]. Глагол *бзы'кать* у информанта имеет некоторые семантические отличия от материнских говоров и явную связь с ними. В сводном диалектном словаре он дан с толкованием ‘обезумев от сильной жары и укусов оводов, бежать, задрав хвост (о рогатом скоте)’ (Ряз. Урал.) [СРНГ. Вып. 2. С. 288], в идиолекте Н.И. – ‘нервничать’ (**Чё бзыкаешь?*). Наряду с *чё* встретился единичный украинизм *шо*, выступающий как вариант по отношению к *чё*: *Не знаю чё. Не знаю шо делать.*

В целом состав областных элементов указывает на то, что у исследуемой языковой личности наблюдаются некоторые нетипичные для старо-

жильческих говоров Среднего Приобья южнорусские черты в фонетике и лексике. Можно предположить, что предки Н.И. проживали в одном из южных регионов России, а его родители были носителями говоров «новоселов», поздних переселенцев в Сибирь¹.

Дискурсивная практика исследуемой языковой личности также свидетельствует о сохранении многих базовых черт текста в народно-речевой культуре. К ним можно отнести выделенные В.Е. Гольдиным диалогичность, совмещение ситуации-темы с ситуацией текущего общения, иконичность и изобразительность речи [17].

Эти характерные для диалектов особенности отражаются через широкое использование прямой речи и неупотребительность ее косвенных форм, частую имитацию тона, тембра, жестов и мимики при передаче чьих-либо высказываний: *Телевизоры выкинули по двести рублей какие-то, уценили, хорошо так работают, чисто-чисто показывал вообще. Я пришёл к нему [знакомому], говорю: «Займи двести рублей?» – [Подражает тону и мимике собеседника:] «Пошли посмотрим». Не дал, па'дла. <...> Ушёл. Потом [также подражая]: «Да я хотел своей... этой, как её звать-то... Лиле взять». Лила её звали. Дочку. Я говорю: «Дак чё ты не купил-то? Дочери. Телевизор двести рублей. Для тебя двести рублей – тьфу. Это что для меня купить дочке банан».*

Под проявлениями иконичности диалектной коммуникации В.Е. Гольдин понимает «придание говорящими предельного сходства своей речи с тем, о чем в ней повествуется» [17. С. 51]. К реализации данного принципа относится и активное употребление звукоподражаний. Среди них обозначения разговора, болтовни, смеха (*Ты понимаешь, что они [колеги] у нас гыгыгыгыгы гагагагага целый день; Сидит [дочь в школе] на физике, физике не понимает ни фига, вот они, grit, сидят с подружкой – ляляля, grit, обсуждают какие-то там эти, проблемы), суетливой ходьбы, топота (*У нас Иванова бегают, как отчёт – туды'-сюды', тудудутудуду, вся в суете*), звона (*Как тот Рекс на цепи, джинь-джинь, джинь-джинь*), храпа (*На работу – домой, хррр*) и т.д.*

Частным случаем иконичности можно считать образность речи. В дискурсе языковой личности значительна доля слов с образной внутренней формой, узуальных и ситуативных метафор, сравнений, гипербол и других выразительных средств текста: *О, напузы'рилась сидит [обиженная дочь]. <...> Потревожили её кровать вчера; Ты б послушала, посмотрела, чё она тут творила. Я думал, война началась. Гром такой был. И молнии. За-*

¹ Описывая историю формирования сибирских говоров, Н.А. Лукьянова отмечает, что в первый период колонизации Сибири (конец XVI – середина XVIII в.) преобладает миграция населения с севера европейской части России. Второй период колонизации (середина XVIII – начало XX в.) характеризуется усилением миграционного потока из южных губерний [16. С. 7–9]. «Соответственно этому выделяются две категории носителей говоров: старожилы – первые переселенцы, а также их потомки, родившиеся уже в Сибири, и новосёлы – переселенцы из южных губерний России и их потомки, родившиеся в Сибири» [Там же. С. 9].

шёл – подушки по полу – у Ани нечаянно сняли постельное бельё, постирали. Вот так. Без её ведома; Моё так куда-то исчезло. Кольцо. Лежало оно у меня в чашке. В белой. А потом улыбнулось; Пошли вот мураши по экрану [компьютера] тогда. Сел подумал логически, что может быть. Что может быть? Скорее всего, видеокарта; Сидят, три этажа [здания администрации] забиты, забиты битком, идёшь, свет горит везде, как на новогодней ёлке. Трудятся. Они там «трудятся»; Конец света уже наступил, давно уже идёт. Резко его сделать нельзя, потому что мы как мотыльчки. Дунул на меня, и я сдох. В связи с более высоким уровнем образности диалектной речи (по сравнению с речью рядовых носителей литературного языка) отмечается, что «неосознанный выбор информантом образной словесной формы, проявляющийся регулярно, позволяет говорить о присущем языковой личности недискурсивном типе мышления, при котором синтетичность, целостность мыслительного процесса явно доминирует над логичностью, расчлененностью и упорядоченностью иного, дискурсивного отражения реальности» [18. С. 7–8].

Зафиксированы в речи Н.И. типичные для народно-речевой среды паремии, хотя в идиолекте они единичны: *А иначе не научишь, тебе хоть долби, хоть не долби, пока жареный петух не клюнет в жопу. Мы все равно будем делать своё.*

Наконец, следует отметить также сохранение следов традиционных мифологических представлений, свойственных народной культуре. В дискурсивной практике личности отражена, например, вера в домовых: *Котёнка не любит, Марина, у нас домовая. От скоко лет живу – вот живу тридцать пять лет в этой хате – бесполезно! Сиамских две штуки были, и обоих грохнул. <...> Вторую кошку – лишай откуда-то, у кого они были... сдохла. <...> Две кошки были у нас – не знаю, ты помнишь их, нет? <...> Исчезли, неизвестно куда. В один день. Всё! От скоко, тридцать пять лет живу, и тридцать пять лет такая ерунда. Хочешь верь, хочешь нет. Это ладно один случай или два.*

Черты просторечного типа речевой культуры

Просторечные грамматические особенности у информанта наблюдаются в первую очередь при словоизменении глаголов. Среди них – ненормативные императивы (*Поло'жсь, подо'жсь на место сразу [градусник]; Аню не тро'жь, она напузыренная*), образование некоторых форм настоящего времени без исторических чередований (*Люди не хо'чут работать*), распространенность флексии -ут / ют в окончаниях 2-го спряжения в 3-м лице множественного числа глаголов настоящего–будущего времени (*Уволят, уволят [с работы], а мне чё, пусть сокращают; Те же книжки ремонтировать тащут*), замена корневого А на О в 3-м лице слова *платить* (*Я [рабочий] же произвожу, но мне plo'tют копейки, ничё не plo'tют*), деепричастия с суффиксом -мши (*Человек пришёл уста'мши с работы, он скотину убрал, в телеви'зер попу'чился, всё!*). Встретились также формы

родительного падежа местоимения *она* с предлогом (*У ней бесплатный билет*) и существительного мужского рода с флексией *-у* вместо литературного *-а* (*У меня интересу к работе нет*). Хотя перечисленные случаи квалифицируются как типичные для городского просторечия ([19–22] и др.), многие из них можно считать свойственными и местным говорам (что подтверждает, в частности, монографическое описание русских говоров Среднего Приобья [23. С. 144–178]). Некоторые просторечные грамматические варианты используются в идиолекте наряду с литературными: *Они все уже настроились на это сокращение, что с марта хотят все; Люди не хо'чут работать; У ней Лёше счас восемнадцать лет будет в феврале. Всё. У неё есть иждивенец, её не имеют права сократить, а у тебя его нету.*

Просторечные лексические единицы представлены в речи Н.И. шире, чем областные.¹ Семантические группы просторечной лексики также более объемны по сравнению с диалектной. Среди них выделяются «прием пищи» (*жрать*, *пожрать* ‘поесть’, *выдуть* ‘выпить в большом количестве’), «физическое состояние» (*обожраться* ‘объесться’, *назюзюкаться* ‘напиться пьяным’, *дрыхнуть* ‘спать’, *выдрыхнуться* ‘выспаться’), «психическое состояние» (*психовать* ‘нервничать’, *достать* ‘донять’, *начихать* ‘отнестись с пренебрежением’), «смерть» (*помереть*, *сдохнуть*, *загнуться* ‘умереть’; *известить* ‘погубить, истребить’), «труд» (*вкалывать* ‘много, усиленно работать’, *калым* ‘побочная работа, приносящая доход’), «части тела» (*башка* ‘голова’, *брюхо* ‘живот’, *морда* ‘лицо’), номинации действий с семантикой присвоения (*выклянчить* ‘выпросить’, *хапать* ‘красть’, *заграбастать* ‘присвоить’), размерные обозначения (*здоровый* ‘очень большой’, *махонький* ‘очень маленький’), наименования лиц по полу и возрасту (*баба* ‘женщина’, *бабье* ‘пренебр. собир. женщины’, *девка* ‘девушка’, *маманя* ‘мама’, *мужик* ‘мужчина’, *пацан* ‘мальчик’), бранная лексика (*гад*, *балда*, *козёл*), в том числе нецензурная, и др.

Выше в просторечном сегменте и доля фразеологизмов, которые почти не встретились среди собственно диалектных. Это *вылупить шары* ‘широко раскрыв, вытаращив глаза, уставиться на кого-либо’, *ковырять в носу* ‘бездельничать’, *тьма тьмуца* ‘множество’, *мать честная* ‘восклицание, передающее эмоциональную реакцию’, *дохлый номер* ‘безнадежное дело’, *ни фига* ‘совсем ничего’: *Спросил у наших, они ничего не знают, дохлый номер; Ты видишь, чё я делаю? [чистит флягу для воды] А ты стоишь, ковыряешь в носу. Вместо того чтобы корыто это ковырять; А я по себе чувствую свои же способности, что улавливаю всё и вся. Тот же компьютер, мать честная! Кто мне шибко подсказывает? Ну счас правда стал, в интернете нашёл вон сайт; В одних очках, не вижу ни фига.*

¹ Как просторечные рассматривались слова и ЛСВ, которые в толковых словарях русского литературного языка (МАС, БАС) имеют помету «прост.». В качестве дополнительного источника привлекался также «Фразеологический словарь русского литературного языка» А.И. Федорова (М., 2008).

Обращает на себя внимание и тот факт, что в составе просторечной лексики и фразеологии большее количество экспрессивно-эмоциональных единиц: *Вот она понапринимала у нас этих, молодых бабьё, а у них у всех дети; Хрена ты лезешь во все дыры? Уроды! Гады!; А я по себе чувствую свои же способности, что улавливаю всё и вся. Тот же компьютер, мать честна'я! Кто мне шиько подсказывает?*

Еще одна особенность связана с тем, что в сравнении с группой диалектных слов здесь меньше образований с незначительными формальными отличиями от общерусских лексем (в основном отмечены аффиксальные варианты: *помереть* 'умереть', *маманя* 'мама' и др.: *Помер человек – погоревала, погоревала день-два и успокойся; Ну конечно, маманя, привыкли вы, сделает на три пельмешки [теста], съели – и жрать нечего*), но чаще встречаются вторичные значения от них (*загнуть* 'умереть', *начихать* 'отнестись с пренебрежением' и др.: *Начихать мне на их дипломы; Можно удалит знаешь какую информацию, что ты загнёшься через пять минут, и всё*). Прослеживается типичная для просторечия тенденция переноса наименований из сферы животного мира на мир человека: *морда* 'лицо', *брюхо* 'живот человека', *ржать* 'смеяться', *жрать* 'есть', *сдохнуть* 'умереть', *гад* 'бранное': *А Анька картошку жрала вон сырую, пока по морде не пошли пятна; Вот ржут, [неценз.], чаи эти гоняют, целыми днями, [неценз.], по магазинам лётаят [в рабочее время]* и др.

Черты жаргонного типа речевой культуры

Одной из составляющих лексикона информанта являются жаргонизмы¹. Они представляют собой так называемый общий жаргон (термин В.М. Мокиенко [2000]) – обширную группу употребительных в неофициальном общении лексико-фразеологических единиц, не ограниченную определенными социальными рамками и постоянно пополняющуюся из различных социолектов.

Наиболее крупными семантическими группами жаргонизмов в идиолекте Н.И. являются обозначения физических действий (*бомбануть* 'разграбить', *отрубить* 'заснуть', *затариться* 'запасть спиртным', *лётать* 'бегать'), ментальной и психической сферы (*врубиться* 'понять, догадаться, вникнуть', *заморачиваться* 'переживать о чем-л.');

состояния среды, обстановки (*дурдо'м* 'неразбериха, неорганизованность', *психу'шник* 'нервная, ненормальная обстановка', *дуба'к* 'сильный холод') и, наконец, оценочная лексика, преимущественно негативная (*па'дла* 'междометие, выражающее экспрессию', *дол'баный* 'пренебр., об общей отрицательной оценке чего-л.', *чу'ня* 'грязнуля, пренебр. о любом человеке'; *туфта'* 'об-

¹ В качестве основного источника отнесенности слов и фразеологизмов к жаргонизмам использовалась электронная версия «Словаря русского арго» В.С. Елистратова (СРА); в отдельных случаях привлекались данные интернет-лексикографии (Викисловарь. <http://www.вокабула.рф> и др.).

ман, подделка', *туфто'вый* 'поддельный, липовый', *капита'льно* 'хорошо, отлично'): *Ты не переживай [что не будет жилья]. Об этом не заморачивайся. Не надо заморачиваться. Тебе до этого времени ещё неизвестно сколько, а ты уже начала создавать себе проблему, начала себя вздрючивать; *Бомбани заначку [из копилки] на свитер; О-ой, чё, отруби'ться что ли?; О-о, Типсин зата'рился; Целыми днями по магазинам лётаят [в рабочее время]; Вот он дурдо'м, самый натуральный, психу'шник [о положении дел на работе]; Как вот наливать мне чай мой? Горячий, па'дла; Смотри, щас улыбнётся [о дочери]. Эй, чу'ня? [шутливо]; *У нас [на работе] окна ставят. Дуба'к; Я врубил'ся капита'льно. Жаргонные фразеологизмы, в отличие от просторечных, у Н.И. единичны: *Ему по барабану* ['безразлично'] всё.*

Некоторые из жаргонных единиц восходят к молодежному сленгу, отдельные – к тюремному аргю. Новые сленговые элементы, скорее всего, усвоены под влиянием речи дочерей: *Он [ребёнок] ползал, он вспотел, ты дверь открыла – мороз на улице, всё, пипе'ц ['конец'] ему.* Тюремно-лагерное *наводить шмон*, возможно, вошло в идиолексикон из речи жителей поселка или в период армейской службы по призыву. Из 'устраивать тотальный обыск' [СРА] оно трансформируется в 'делать уборку': *Ты хотела шмон наводить.* Отмечены также единичные профессиональные жаргонизмы, появившиеся в процессе овладения компьютером: «Биос», *оказывается, у нас есть «Биос», который это, программа стоит, она вмонтирована, без операционки ['операционной системы'] без всего.*

Черты книжного типа речевой культуры

Наряду с нелитературными особенностями в идиолекте Н.И. имеются черты, характерные для носителя книжной речевой культуры. В составе идиолексикона это лексемы с высокой стилистической окраской (*свыше, миссия, разум, грехопадение, мгновение, путь истинный*), компьютерная терминология (*четырёхъядерный процессор, гигагерц, ядро, видеокарта*), терминология естественных наук (*иммунитет, биологический цикл, растительный мир, травоядный, бактерии, опыление, организм, эволюция*), выражения из области экономики (*экономический подъем, местный бюджет*) и общекнижные лексемы (*элементарно, логика, заинтересованность, естественно, ситуация, существование, максимум*). Их активность в речи можно объяснить наличием в дискурсивной практике информанта письменных текстов (библия, учебная и справочная литература, интернет-сайты) и текстов устных СМИ (телевизионные новостные передачи), связанных со сферами его интересов, куда входят религия, наука, политика и экономика страны, компьютеры. Постоянное обращение к перечисленным источникам приводит к усвоению их элементов, часто в виде устойчивых оборотов, клишированных словосочетаний: *Почему у нас экономического подёма нет?; Никто нигде ничто не получает. Потому что девяносто процентов уходит в бюджет, а что десять процентов остаётся – заби-*

рают себе; В моём возрасте – я уже биологический цикл прожил свой, хочешь ты – не хочешь, а мне уже требуется отдых; Самому нельзя уходить на тот свет, опасно. <...> Надо выполнять ту миссию, которая тебе отмерена, хош не хош. Вот и всё. Терпи; Есть растительный мир, есть животный мир травоядный, который не может жить без растительного мира, есть хищные, которые друг без друга жить не могут никак, есть летающие всевозможные насекомые-птицы, без которых существование немислимо...; Ему [Богу] желательно, конечно, чтобы мы все хорошие были, чтобы мы все на путь истинный стали.

При этом нередки случаи неполной освоенности литературных слов, проявляющиеся:

– в неверной постановке ударения: *В Африке?* <...> *У нас хоть змеи не кусают! А там не выйти, не пройти! То тарантулы, то змеи, то ещё че-нибудь. Жрут. Всех подряд;*

– неточном отражении орфографической нормы и семантики слов: *Тулеев [губернатор Кемеровский обл.] был со своей ормадой [на Празднике села], Аня выступала (нормативное *армада* в значениях ‘большое количество военной техники’ и ‘большое количество кого-чего-л.’ [НСРЯ] трансформируется в SMS-сообщении в *ормада* ‘большое количество сопровождающих, свита начальственного лица’);

– ненормативной сочетаемости: *Это сейчас, когда я жизнь прожил и суммировал всю свою жизнь, я уже понял, что мне кто-то никуда не пускает, тормозит;*

– отсутствии автоматизма в использовании таких лексем: *А меня она [начальница] не может сократить по той причине, что у меня есть... как их называют... нахлебники, или как их ещё называют. Иждивенцы.*

Основным источником прецедентных текстов – цитатного фонда, соотносимого с характером усвоенного носителем языка среза национальной культуры – у данной языковой личности являются высокоценные художественные тексты. Зафиксированы афористические выражения из русской классики и песен Высоцкого (*Это, знаете, родные, что моське гавкать на слона; Толстого читала? «В залу вошла пожилая женицина тридцати шести лет». У Толстого. «Война и мир». Почитай. <...> Читал когда-то. Во, тридцать шесть лет уже пожилые были; Гоголь ещё сказал: «проблемы две – дураки и дороги». Самое главное – дураки. Дороги ещё можно перетерпеть. То же и Высоцкий поёт, то же самое. <...> Дураки и дороги. Дорог нету – «грязью чавкая, жирной да ржавою». <...> Всё точно он написал про нас. «Раскисли, опухли». Ни дорог, ничё нету), а также из Библии (*Кто не работает, тот не ест – там [в Библии] так написано*). Цитаты из песен 1990–2010-х гг. и рекламы у Н.И. отсутствуют.*

Заключение

Таким образом, речевой портрет жителя поселка городского типа выявляет две его доминантные особенности: 1) наличие, наряду с общерусски-

ми, значительного количества областных, просторечных, жаргонных и книжных языковых средств идиолекта; 2) широкую вариативность употребления этих разнородных элементов в дискурсе.

У исследуемой языковой личности прослеживаются многообразные диалектные черты. Региональные фонетические и грамматические показатели немногочисленны; шире представлены лексические единицы. Отметим, что областные номинации традиционной материальной и духовной культуры в большинстве своем, очевидно, перешли в пассивный запас, но в активном употреблении сохраняются территориально ограниченные обозначения действий и признаков человека, характеризующих его повседневное поведение. Народно-речевое начало системно проявляется в принципах организации текста – диалогичности, совмещении ситуации-темы и ситуации текущего общения, иконичности, образности. Зафиксированы и некоторые следы народной ментальности – в частности, вера в домовых. В то же время ядро идиолексикона составляют просторечные лексико-фразеологические единицы: их значительно больше, чем диалектных и жаргонных, а семантические группы более разнообразны и объемны. Жаргонизмы находятся на периферии словаря личности. Довольно значительна доля лексем книжной стилистической окрашенности и прецедентных текстов из письменных источников.

Вариативность средств идиолекта проявляется на всех уровнях языковой системы: фонетическом (*мо[у]у / мно[г]о*), грамматическом (*у неё / у ней, хотят / хо'чут...*) и лексическом. В последнем случае наблюдается использование как вариантов в узком смысле термина (*телевизор / телеви'зер, надо / на'доть...*), так и синонимии лексико-фразеологических единиц (ср.: общерусское *спать* / просторечное *дрыхнуть*, общерусское *ребёночек* / диалектное *детёночек*, общерусское *понять* / жаргонное *врубиться*, просторечное *психовать* / диалектное *бзы'кать*, просторечное *дохлый номер* / жаргонное *дохлый Вася* и т.д.). Для текстов информанта характерно непреднамеренное соединение стилистически разнородных единиц: *Есть люди, работа, производство, всё, сельское хозяйство, всё к чёртовой матери позапустили. Ничего же не работает! Так вы сделайте, пады, чтобы они [чиновники] с местного бюджета получали, с налогов, с местных налогов чтоб они зарплату получали. Чтобы ты не пятьдесят-сто тысяч получал, а пять-три. Где долика у того, кто сидит в верхах? <...> Вы что, не можете закон принять, чтобы разница была ну максимум в два-три раза? Чтобы у неё заинтересованность... у того же у любого руководителя заинтересованность была поднять мне зарплату, чтобы тебе зарплата выше была. Будет у нашей директории заинтересованность, у нас не будут бегать гыгыгыгы, чаи гонять. Она посократит к чёртовой матери всех. Чтобы у ней зарплата была, чтобы я получал зарплату и соответственно она. Даже я идиот и то понимаю такие элементарные вещи, а они сидят в Москве там не понимают.*

Выявленные черты сложились в результате влияния разнонаправленных объективных и субъективных факторов при формировании исследуе-

мой языковой личности и отражают многие явления, характерные для народно-речевой культуры в современных условиях ее существования.

Признаки этого типа культуры у информанта можно считать субстратными, унаследованными от малограмотных родителей-сибиряков. Проживание фактически в течение всей жизни (за исключением периода службы в армии) в поселении, выросшем из села, способствует сохранению диалектного начала в его речи. Вместе с тем состав языковых средств индивида свидетельствует о постепенном вытеснении диалектных черт отчасти просторечными и жаргонными, отчасти – литературным языком в связи с получением среднего образования, влиянием процессов урбанизации и миграции населения, затронувших Тяжинский, как и другие населенные пункты России. Воздействие со стороны книжной речевой культуры (вероятно, более сильное, чем у большинства тяжинцев, вследствие повышенного интереса Н.И. к самообразованию) выражается в усвоении высокоценных прецедентных текстов, расширении словарного запаса за счет лексики высокого стиля, клишированных книжных выражений и научной терминологии.

Мозаичность речевого портрета данного индивида соотносима с активными процессами взаимодействия различных подсистем русского национального языка, отмечаемыми в трудах многих исследователей. В то же время в поселках городского типа, где языковая среда формируется на стыке традиционной крестьянской и городской культуры, эти процессы происходят наиболее интенсивно и отражаются в идиолектах жителей таких локусов особенно ярко. В этом отношении речь исследуемой личности представляет собой один из типичных образцов трансформации народно-речевой культуры в наши дни.

Условные обозначения словарных источников

БАС – *Словарь* современного русского литературного языка. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1948–1965. Т. 1–17.

Даль – *Владимир Даль*. Толковый словарь живого великорусского языка. М. : Русский язык, 1989–1991. Т. 1–4.

МАС – *Словарь* русского языка / гл. ред. А.П. Евгеньева. М. : Русский язык, 1981–1984. Т. 1–4.

НСРЯ – *Ефремова Т.Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М. : Русский язык, 2000. URL: <http://www.efremova.info> (дата обращения: 10.07.2010).

СРА – *Елистратов В.С.* Словарь русского арго : электронная версия // ГРАМОТА.РУ. 2002. URL: <http://gramota.ru/slovari/argo> (дата обращения: 10.07.2019).

СРГС – *Словарь* русских говоров Сибири / сост. Н.Т. Бухарева, А.И. Федоров ; под ред. А.И. Федорова. Новосибирск : Наука, 1999–2006. Т. 1–5.

СРНГ – *Словарь* русских народных говоров. М. ; Л. ; СПб. : Наука, 1965–2016. Вып. 1–49. URL: <https://iling.spb.ru/vocabula/srng/srng> (дата обращения: 07.07.2019).

СЦРК – *Словарь* русских говоров центральных районов Красноярского края / под ред. О.В. Фельде (Борхвальдт), С.В. Васильевой. Красноярск, 2003–2010. Т. 1–5.

Литература

1. Толстой Н.И. Язык и культура (некоторые проблемы славянской этнолингвистики) // Русский язык и современность: Проблемы и перспективы развития русистики: докл. всесоюз. науч. конф. М., 1991. Ч. 1. С. 5–22.
2. Русский язык конца XX столетия / отв. ред. Е.А. Земская. М. : Языки русской культуры, 2000. 477 с.
3. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке : учеб. пособие М. : Логос, 2001. 304 с.
4. Русский язык начала XXI века: лексика, словообразование, грамматика, текст. Н. Новгород : Изд-во Нижегород. ун-та, 2014. 325 с.
5. Батырева Л.П. Речевой портрет провинциала (на материале частной переписки 1940–1945 гг. палехского крестьянина А.Н. Савельева). Шуя, 2011. 175 с.
6. Ильина Е.Н. Аполлинария Виссарионовна Харитонова // Народная речь Вологодского края: говоры Кирилловского района Вологодской области. Вологда, 2014. С. 9–117.
7. Никифорова О.В. Речевой портрет современного носителя нижегородских говоров // Научное наследие Б.Н. Головина в свете актуальных проблем современного языкознания (к 100-летию со дня рождения Б.Н. Головина) : сб. статей по материалам Междунар. научной конф. Н. Новгород, 2016. С. 623–627.
8. Полищук Д.С., Дарбанова Н.А. Фонетические и морфологические черты как фрагменты речевого портрета диалектоносителя // Вестник Бурятского государственного университета. Язык. Литература. Культура. 2017. Вып. 3. С. 22–29.
9. Оглезнева Е.А. Социально-речевой портрет современного диалектоносителя (на материале речи М.В. Хлыстова, жителя с. Черновка Свободненского района Амурской области) // Народное слово Приамурья. Благовещенск, 2004. С. 85–95.
10. Сперанская А.Н. Индивидуальный речевой портрет жительницы северного Приангарья // Экология языка и коммуникативная практика. 2017. № 4 (11). С. 97–115.
11. Волошина С.В., Шевчик А.В. Фрагмент речевого портрета жителя современного российского села // Экология языка и коммуникативная практика. 2018. № 3(14). С. 20–32.
12. Власкова М.В. Речевой портрет бывшего сельского жителя: апеллативный аспект // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2009. Т. 15, № 3. С. 54–59.
13. Ганичева С.А. Диалектная языковая личность: к вопросу о трансформации // Вестник Череповецкого государственного университета. 2016. № 5. С. 60–64.
14. Поселок городского типа. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D0%BE%D1%81%D1%91%D0%BB%D0%BE%D0%BA_%D0%B3%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B4%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B3%D0%BE_%D1%82%D0%B8%D0%BF%D0%B0 (дата обращения: 26.07.2019).
15. Тяжиский. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A2%D1%8F%D0%B6%D0%B8%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9> (дата обращения: 15.07.2019).
16. Лукьянова Н.А. Сибирские говоры в общей системе русских народных говоров // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2012. Т. 11, № 2. С. 5–13.
17. Гольдин В.Е. Изобразительность диалектной речи // Бюллетень фонетического общества. № 7. Тексты устной речи. Бохум, 2011. С. 49–58. URL: <http://sarteorlingv.narod.ru/Articles/Izobrazitel.htm> (дата обращения: 25.07.2019).
18. Гынгазова Л.Г. Метафорическое миромоделирование в дискурсе языковой личности // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2010. № 1 (9). С. 7–11.
19. Банкова Т.Б. Лексика томского городского просторечия: типология описания : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1987. 164 с.

20. Войлова К.А. Судьба просторечия в русском языке : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2000. 40 с.
21. Холодкова М.В. Просторечная лексика в системе современного русского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2009.
22. Соломина Е.В. Языковая личность носителя городского просторечия : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2016. 246 с.
23. Русские говоры Среднего Приобья / ред. В.В. Палагина. Томск : Изд-в Том. ун-та, 1985. Ч. 1. 208 с.
24. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русского жаргона. СПб. : Норинт, 2000. 716 с.

The Interaction of Subsystems of the Modern Russian Language in an Idiolectic Reflection: The Speech Portrait of a Resident of an Urban-Type Village

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2019. 62. 104–120. DOI: 10.17223/19986645/62/7

Ekaterina V. Ivantsova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ekivanцова@yandex.ru

Keywords: speech portrait, idiolect, resident of urban-type village, transformation of folk-speech culture, interaction of subsystems of modern Russian.

The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 16-18-02043.

The article aims to create the urban-type village resident's speech portrait that represents the transformation of the folk-speech culture due to the interaction of the subsystems of the Russian language. The speech of a man born in 1956, with a vocational education, a resident of the Tyazhinsky village of Kemerovo Oblast, was analysed. The sources for the analysis were the recordings of the informant's spontaneous oral speech and short messages from his correspondence with his daughter. When collecting the material, the method of inclusion in the speaker's linguistic existence was used, and, in the analysis, the method of speech portraiture was used. In the course of the study of the idiolect, the manifestations of types of speech culture (dialect, vernacular, slang and learned), which N.I. Tolstoy classified in all Slavic ethnic groups, were analysed. It was established that *dialect features* are represented in the man's speech at the phonetic, grammatical, lexical and textual levels. Regional elements of phonetics and grammar are few. The informant's articulatory and vocabulary features suggest that his parents spoke dialects of late settlers from the south of Russia in Siberia. The folk-speech principle is reflected in such properties of the text as dialogicity, combination of the situation of the theme with the situation of current communication, iconicity and figurativeness. Some paroemias and traces of traditional mythological representations are recorded. Traits typical for vernacular are identified in the field of grammar and vocabulary. Many features of inflection can be considered dialect and vernacular. Colloquial words are represented in the idiolect much wider than dialect ones. The proportion of phraseological units and expressive-emotional words is significant. Jargon traits are marked only at the lexical level; they make up the periphery of the idiolexicon. Most jargon refers to general jargon, single designations to prison argo, youth and computer slang. The features of the learned speech culture are reflected in the composition of vocabulary and precedent texts. The informant has words of a lofty style, terms from different fields of science and general learned words (not always fully mastered), as well as quotes from Russian classics and Vysotsky's songs. The idiolect demonstrates the variability of the use of regional, vernacular, slang and learned elements and their unintentional combination in speech. Signs of the folk-speech type of culture in the language personality are substratum and are inherited from the illiterate parents. The composition of the language means testifies to the gradual ousting of dialectal features partly by colloquial, jargon, or literary language ones in connection with the informant's receiving vocational education, with the influence of urbanisation and population migration. The speech portrait of the

individual reflects the interaction of the subsystems of the Russian national language. In urban-type villages, where the linguistic environment is formed at the junction of traditional peasant and urban cultures, these processes occur most intensively. In this regard, the speech of the personality being studied is one of the typical examples of the transformation of the folk speech culture at present.

References

1. Tolstoy, N.I. (1991) *Yazyk i kul'tura (nekotorye problemy slavyanskoj etnolingvistiki)* [Language and culture (some problems of slavic ethnolinguistics)]. In: Dmitriyeva, O.L. et al. (eds) *Russkiy yazyk i sovremennost': Problemy i perspektivy razvitiya rusistiki* [Russian Language and Modernity: Problems of and Prospects for the Development of Russian Studies]. Pt. 1. Moscow: Russian Language Institute of Russian Academy of Sciences. pp. 5–22.
2. Zemskaya, E.A. (ed.) (2000) *Russkiy yazyk kontsa XX stoletiya* [Russian Language of the Late 20th Century]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
3. Valgina, N.S. (2001) *Aktivnye protsessy v sovremenном russkom yazyke* [Active Processes in the Modern Russian Language]. Moscow: Logos.
4. Radbil', T.B. et al. (2014) *Russkiy yazyk nachala XXI veka: leksika, slovoobrazovanie, grammatika, tekst* [Russian language of the beginning of the 21st century: vocabulary, word formation, grammar, text]. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State University.
5. Batyeva, L.P. (2011) *Rechevoy portret provintsiala (na materiale chastnoy perepiski 1940–1945 gg. palekhskogo krest'yanina A.N. Savel'eva)* [Speech portrait of a provincial (based on the material of private correspondence of 1940–1945 of the Palekh peasant A.N. Saveliev)]. Shuya: Shuya State Pedagogical University.
6. Il'ina E.N. (2014) Apollinariya Vissarionovna Kharitonova. In: Il'ina, E.N. (ed.) *Narodnaya rech' Vologodskogo kraja: govory Kirillovskogo rayona Vologodskoy oblasti* [Folk speech of the Vologda Territory: dialects of the Kirillovsky district of the Vologda region]. Vologda: Legiya. pp. 9–117.
7. Nikiforova, O.V. (2016) [Speech portrait of a modern native speaker of Nizhny Novgorod dialects]. *Nauchnoe nasledie B.N. Golovina v svete aktual'nykh problem sovremennoy yazykoznaniiya* [Scientific heritage of B.N. Golovin in the light of the urgent problems of modern linguistics]. Proceedings of the International Conference. Nizhny Novgorod. 28–30 September 2016. Nizhny Novgorod: OOO Izdatel'stvo "Dekom". pp. 623–627. (In Russian).
8. Polishchuk, D.S. & Darbanova, N.A. (2017) Phonetic and morphological feature as fragment of speech portrait of a dialect speaker. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Yazyk. Literatura. Kul'tura*. 3. pp. 22–29. (In Russian).
9. Oglezneva, E.A. (2004) Sotsial'no-rechevoy portret sovremenного dialektonositelya (na materiale rechi M.V. Khlystova, zhitelya s. Chernovka Svobodnenskogo rayona Amurskoy oblasti) [A social-speech portrait of a modern dialect-carrier (based on the speech of M.V. Khlystov, a resident of the village of Chernivka, Svobodnensky District, Amur Region)]. In: Kirpikova, L.V. & Galuza, O.Yu. (eds) *Narodnoe slovo Priamur'ya* [Folk Word of the Priamurye Region]. Blagoveshchensk: Blagoveshchensk State Pedagogical University. pp. 85–95.
10. Speranskaya, A.N. (2017) Language personality of a Northern Angara resident. *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika – Ecology of Language and Communicative Practice*. 4 (11). pp. 97–115. (In Russian).
11. Voloshina, S.V. & Shevchik, A.V. (2018) A fragment of a speech portrait of a modern Russian village resident. *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika – Ecology of Language and Communicative Practice*. 3 (14). pp. 20–32. (In Russian).
12. Vlaskova, M.V. (2009) Rechevoy portret byvshego sel'skogo zhitelya: apellyativnyy aspekt [Speech portrait of a former villager: appellative aspect]. *Vestnik Kostromskogo gosudu-*

darstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova – Vestnik of Kostroma State University. 3 (15). pp. 54–59.

13. Ganicheva, S.A. (2016) Dialektnaya yazykovaya lichnost': k voprosu o transformatsii [Dialect linguistic personality: on the issue of transformation]. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta – Cherepovets State University Bulletin*. 5. pp. 60–64.

14. Wikipedia. (n.d.) *Poselok gorodskogo tipa* [Urban-type settlement]. [Online] Available from: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D0%BE%D1%81%D1%91%D0%BB%D0%BE%D0%BA_%D0%B3%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B4%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B3%D0%BE_%D1%82%D0%B8%D0%BF%D0%B0. (Accessed: 26.07.2019).

15. Wikipedia. (n.d.) *Tyazhinskiy*. [Online] Available from: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A2%D1%8F%D0%B6%D0%B8%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9>. (Accessed: 15.07.2019).

16. Luk'yanova, N.A. (2012) Siberian dialects in the global system of Russian folk dialects. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya – Novosibirsk State University Bulletin. Series: History and Philology*. 2 (11). pp. 5–13. (In Russian).

17. Gol'din, V.E. (2001) Izobrazitel'nost' dialektnoy rechi [Figurativeness of dialect speech]. In: *Byulleten' foneticheskogo obshchestva* [Bulletin of the phonetic society]. 7. Bochum: [s.n.]. pp. 49–58. [Online] Available from: <http://sarteorlingv.narod.ru/Articles/Izobrazitel.htm>. (Accessed: 25.07.2019).

18. Gyngazova, L.G. (2010) Metaphorical world modelling in the discourse of the language personality of a dialect speaker. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 1 (9). pp. 7–11. (In Russian).

19. Bankova, T.B. (1987) *Leksika tomskogo gorodskogo prostorechiya: tipologiya opisaniya* [Vocabulary of Tomsk urban vernacular: typology of description]. Philology Cand. Diss. Tomsk.

20. Voylova, K.A. (2000) *Sud'ba prostorechiya v russkom yazyke* [The fate of vernacular in the Russian Language]. Abstract of Philology Dr. Diss. Moscow.

21. Kholodkova, M.V. (2009) *Prostorechnaya leksika v sisteme sovremennogo russkogo yazyka* [Colloquial vocabulary in the system of modern Russian language]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tambov.

22. Solomina, E.V. (2016) *Yazykovaya lichnost' nositelya gorodskogo prostorechiya* [The linguistic identity of the speaker of urban colloquialism]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tomsk.

23. Palagina, V.V. (ed.) (1985) *Russkie govory Srednego Priob'ya* [Russian dialects of the Middle Ob Region]. Pt. 1. Tomsk: Tomsk State University.

24. Mokienko, V.M. & Nikitina, T.G. (2000) *Bol'shoy slovar' russkogo zhargona* [A large dictionary of Russian jargon]. St. Petersburg: Norint.